

Бессмертный полк

Леонард Золотарёв

Родная речь

Ты хранись в нас, о русская речь –
Острый меч и испытанный щит!
Нам бы землю родную сберечь,
Русь святая себя сохранил.

Сохранит землю Русскую сын,
Сохранит сына русская мать.
Будем ей молчаливо внимать
Под гортанные скрипы осин.

Под тележный заржавленный звук,
Под кровавые просыпы рос.
Был мой дедушка великоросс,
Не согласен на малое внук.

Ты хранись в нас, о русская речь!
Русь, Россия, родимая мать!
За нее уж пришлось в землю лечь,
За нее еще будем стоять.

Алёшня

Алёшня в пойме, травяной настой.
Страна раки в березовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде алёшненской стою.

Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с переметом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут
вневременной!
Как дернут – оборвут боюсь уздечку.

Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синевских туманах заблудиться,
Пока мы живы, бога не гнечи!
Пока мы тут, что нам Босфор
и Ницца!

По всей Алёшне от берез светло,
По всей долине тянется туман.
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.

У пруда Савиной

Две липы – две кроны у
спасского сада,
Вплетается в шепот гобой.

То блюзы, то роки – живая эстрада.
То Рознера джаз голубой.

Качаются скрипки – под веткою
с краю.

Над прудом играют лозой.
И первыми первый удар принимают,
Последними спорят с грозой.

Зеленою музыкой бредит макушка.
Сюжет на макушке двойной:
Повыше – с романсом садится
кукушка,
На джаз – соловей озорной.

Живу у леса с краю...

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.
Моя изба – старушка,
По стенке – повитель.
Считает дни кукушка,
А ночи – коростель.
Гнездо над головою,
Трава у моих ног.
Глаза на миг закрою –
Слуга себе и бог.

Такой же изначальный,
Ровесник всей земле.
То тихий и печальный,
То чуть навеселе.
Раскатываю громы,
Поля водой пою.
Бывает, агрономы
Придут в избу мою:
«Ну, как живешь, Михалыч,
Как дышится тебе?
Чего там напахали
Плугами по судьбе?
Откуда всяких мошек
Над нами целый рой?
Куда людей хороший
Уносит стороной?
Какие синь-туманы
Полощут край земли,
Покуда сны-обманы
Мерещатся вдаль?
И как все эти дали
Меняет влажный фронт?
Чего мы напахали
По самый горизонт?..»
Сижу и стол качаю,
Слова кручу-верчу.
И громом отвечаю,
И молнии мечу.
И от раздумий жгучих
Всего бросает в жар.
Под яблоней могучей
Клокочет самовар.
Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.

Бессмертный полк

*В алом венчике из роз
Впереди Иисус Христос.*

А. Блок.

Из поэмы «Двенадцать».

«Бессмертный полк» шагает
по России.
Возник, живой, как эхо поколений.
Три сына: Гавриил, Максим,
Василий –
Легли на главном, на московском
направлении.

Три сына дедушки ушли
и не вернулись.
Несу над ними дедушкин портрет.
У Вечного огня дай постою, поэт.
Мы выстояли, брат мой,
не согнулись.

«Бессмертный полк» шагает
по России.
По городам, по памяти земли.
Три сына деда: Гавриил, Максим,
Василий,
Три моих дяди первыми легли.

Смотрю в огонь, колышутся
в нем лица.
Остановлюсь, прищурюсь на момент,
И вижу я – в полк строится столица,
И впереди с народом президент.

«Бессмертный полк» шагает
по России.
И в том полку живом, в колонне той
Три сына: Гавриил, Максим,
Василий –
И дедушка мой с ними, как святой.

Русь

И крестили по-всякому –
По башке, по башке,

Чтоб держать непокорную
Во державной руке.
Оттого-то могильные
Оставались следы.
Гольтебе-безотцовщине
Ой хлебнулось беда!

Но вставала упорная,
Семижилная Русь.
Что содеяно, помнила
Навсегда, наизусть.

Про дела чьи-то грешные
Скажет вдруг на миру.
Вся засветится правдою
На кровавом пиру.

Ведь сама в лихолетия
Не имела вины...
Мать сыночка-соколика
Поджидала с войны.

Возвращался израненным,
Прокалеченным пусть,
Поднималась детишками
Неизбывная Русь!

Наливалась от семени,
Тяжелела поля.
От воронок, от воронов
Очищалась земля.

Как с клюкою, родимая,
Побрела по колчам,
Так и ходит-вихляется –
Сумари по плечам.

Платье выцвело, выпрело,
Горб разверзился весь.
Стыдно, отпрыски, стыдно ведь
Хлебы бабкины есть.

Нам бы совесть бабусину,
Тот ковер-самолет...
Бабка встала, прогониста,
Бабка губы жует.

Бабка за сердце держится:
«Не кручинься, сынок.

Дай поглажу воробушка –
И за тот бугорок.

Шаг по шагу, по чуточку –
Так-то легче, двоим...»
Мать моя Русь – ты, матушка,
Пособлю, устоим!

Зеленые деревья. Кипарис

*Семеновскому Ивану Алексеичу,
моему учителю.*

Он рисовал зеленые деревья
Со школьной парты,
с юношеских лет.
И с замираньем сердца вся деревня
За ним следила, говоря: «Поэт!».

И вот уже учитель в той же школе –
Он рисовал теперь для детворы.
И годы пролетали поневоле,
И уходили целые миры.

А он все рисовал свои деревья –
Во цвете жизни, в искорке надежд.

– Смотрите, – говорили по деревне, –
Он все рисует, пишет для невежд.

Уж осенью дышало на планете,
А он все рисовал в ключе своем.
– Смотрите, – говорили ему дети, –
Они ведь золотые за окном.

Он рисовал зелеными деревья!
Зима и лето – было все равно.
– Смотрите, – говорили по деревне, –
Они ведь уже белые давно.

Да и ему виски посеребрило.
Признания ни где-то, ни в семье.
А он все рисовал не то, что было:
Зеленые деревья на земле!

Ушла жена. Спиною повернуло
К нему его согбенные года.
Деревня на него давно махнула,
Как и махнули прежде города.

А он все рисовал... И вот весною
На этот его траурный абрис
Приехал ученик его с женою
И положил зеленый кипарис.

Неупиваемая чаша

«Неупиваемая чаша» –
Так называется родник.
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

Вся наша Русь в нее видна,
А с ней и мы среди полей.
В июне чаша холодная,
А к Покрову так потеплей.

Когда наклониться к ней чуть,
Чтобы испить в ней и свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.

И Русь с небес отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Как славна наша сторона!
Каков нам от богов привет!

Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет – узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский!».